

ВОСТОК – ЗАПАД

DOI: 10.31857/S086919080007702-9

БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ: ОТ ПОЛЮСА КОНФРОНТАЦИИ
К СООБЩЕСТВУ РАЗВИТИЯ¹

© 2019

А. В. ЛУКИН ^a, Д. П. НОВИКОВ ^b

^a – МГИМО МИД РФ; НИУ ВШЭ, Москва, Россия;
Школа государственной политики Чжэцзянского университета (КНР)
ORCID: 0000-0002-1962-2892; avlugin@hse.ru
^b – НИУ ВШЭ, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-3066-7044; dp.novikov@hse.ru

Резюме: В настоящей статье анализируется потенциал развития Большой Евразии и ее долгосрочной институционализации. Авторы полагают, что Большая Евразия как геополитическая реальность претерпевает определенную трансформацию. Изначально сложившаяся как полюс конфронтации под давлением американской политики и основанная главным образом на российско-китайском стратегическом партнерстве, в настоящий момент она приобретает все больше черт международного сообщества, в котором преобладает повестка развития. Это пока только формирующееся международное сообщество вовлекает все больше игроков, расширяя географический охват практически на весь Евразийский континент, что ставит перед его участниками новые вызовы: преодоление геополитических противоречий, формирование устойчивой архитектуры безопасности и сопряжение потенциалов в целях достижения экономического роста. Рассматриваются подходы и мотивы основных евразийских держав и возможности их сопряжения в целях построения геополитически устойчивого международного сообщества «от Лиссабона до Сингапура».

Данный текст развивает и дополняет некоторые тезисы, изложенные авторами в статье «От Большой Европы к Большой Евразии: что несет миру коренной геополитический сдвиг», опубликованной в предыдущем номере журнала «Восток (Oriens)».

Ключевые слова: внешняя политика России, история международных отношений, евразийский регионализм, международные институты, Большая Евразия.

Для цитирования: Лукин А.В., Новиков Д.П. Большая Евразия: от полюса конфронтации к сообществу развития. *Восток (Oriens)*. 2019. № 6. С. 173–188. DOI: 10.31857/S086919080007702-9

GREATER EURASIA: FROM THE POLE OF CONFRONTATION
TO THE DEVELOPMENT COMMUNITY

© 2019

Alexander V. LUKIN ^a, Dmitry P. NOVIKOV ^b

^a – Moscow State Institute of International Relations (MGIMO);
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
Zhejiang University, School of Public Affairs, China
ORCID: 0000-0002-1962-2892; avlugin@hse.ru

^b – National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-3066-7044; dp.novikov@hse.ru

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных инвестиций (проект № 19-014-00038 «Архитектура безопасности в “Большой Евразии”: состояние, перспективы и возможности для России»).

Abstract: *This article analyzes the development potential of Greater Eurasia and its long-term institutionalization. The authors believe that Greater Eurasia, as a geopolitical reality, is undergoing a certain transformation. Originally formed as a pole of confrontation under the pressure of American politics and based mainly on the Russian-Chinese strategic partnership, now it is acquiring more and more features of the international community, in which the development agenda prevails. This so far only emerging international community is involving more and more players, expanding its geographic coverage almost throughout the Eurasian continent, which poses new challenges for its participants: overcoming geopolitical contradictions, forming a sustainable security architecture and linking potentials for achieving economic growth. The approaches and motives of the main Eurasian powers and the possibilities of their linking in order to build a geopolitically sustainable international community “from Lisbon to Singapore” are examined.*

This text develops and completes some of the theses presented by the authors in the article “From Greater Europe to Greater Eurasia: what brings the world a fundamental geopolitical shift”, which was published in the previous issue of the journal “Vostok (Oriens)”.

Keywords: *Russian foreign policy, history of international relations, Eurasian regionalism, international institutions, Greater Eurasia.*

For citation: Lukin A. V., Novikov D. P. Greater Eurasia: From the Pole of Confrontation to the Development Community. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 6. Pp. 173–188. DOI: 10.31857/S086919080007702-9

БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ «ЕВРАЗИЙСКОГО ПОЛЮСА»

Структурной основой международного сообщества Большой Евразии, образующей ее главный геополитический потенциал, является стратегическая связка России и Китая. Российско-китайское сближение сегодня является фундаментальной чертой трансформации современной системы международных отношений. В последние несколько лет характер отношений России и Китая все чаще описывается как отношения стратегического партнерства, близкие к союзу без формальных обязательств взаимной обороны *entente* (согласие) – неформализованный, но все более углубляющийся стратегический альянс, основанный на осознании общности угроз и необходимости координации совместных действий [Тренін, 2015]. В идеальных представлениях наиболее последовательных сторонников этого союза, Россия, являясь крупнейшей по территории и одной из мощнейших военных стран мира, может выполнять в этой паре роль источника «жесткой силы» и «жесткой безопасности», в то время как экономическая мощь Китая должна служить источником экономического роста [Allison, 2018]. Помимо собственной важности российско-китайское сближение также стало предпосылкой для появления и развития целого ряда многосторонних институтов: ШОС, БРИКС, партнерских инициатив между ОПОП и ЕАЭС, которые играют важную региональную и глобальную роль. Наконец, вершиной сотрудничества в сфере развития институтов как раз и может стать Сообщество Большой Евразии.

Фундаментальной политической основой для российско-китайского сближения является родство их подходов к проблемам установившегося после окончания холодной войны глобального порядка – обе страны считают его полным изъяном – и достаточно схожий образ его идеального будущего. Как отмечает известный китаевед Гилберт Розман, «риторика Китая в поддержку действий Путина в Украине и риторика России, одобряющая мышление Си о Восточной Азии, неслучайна [Rozman, 2014]. Скорее, это особенность нового геополитического порядка после холодной войны. «Пока нынешние политические элиты Китая и России удерживают власть, нет оснований ожидать серьезного сдвига ни в национальной идентичности, ни в китайско-российских отношениях» [Rozman, 2014]. Профессор Джейкоб Стоукс и Салливан выражают аналогичное мнение: «Общее политическое видение мирового порядка создает основу для китайско-российского сотрудничества. Оно

определяется прежде всего желанием положить конец первенству США, которое должно быть заменено многополярностью» [Стоукс, Салливан, 2015].

Эта общность подходов была продемонстрирована еще в 1990-х гг., когда Россия и Китай подписали совместную Декларацию о многополярном мире и формировании нового международного порядка. Впоследствии две страны неоднократно указывали на необходимость реформы существующего порядка и общность их подходов по этому вопросу, например в аналогичной двусторонней декларации 2006 г. [Совместная декларация..., 2006].

На сегодня эта общность взглядов на направление развития мирового порядка не просто сохранилась, но упрочнилась, составив идеологическое ядро стратегического партнерства. Так, российская официальная точка зрения на глобальный порядок исходит из того, что «международные отношения находятся в процессе перехода, суть которого заключается в формировании полицентричной системы международных отношений» [Концепция внешней политики Российской Федерации, 2013]. Китайский лидер Си Цзиньпин, выступая на Генеральной Ассамблее ООН 28 сентября 2015 г., указывал, что «движение к многополярному миру, а также подъем новых рынков и развивающихся стран стали непреодолимой тенденцией истории» [Выступление председателя КНР..., 2015]. Эта общая позиция закреплена во многих двусторонних документах и неоднократно подтверждалась в ходе речей и выступлений представителей руководства двух стран.

В контексте сложившейся у России и Китая общности подходов к преобразованию международного порядка можно говорить о двух аспектах. С одной стороны, у двух стран сложилась некая общая внешнеполитическая идеология многополярности, формулирующая идеальную модель международного порядка – основанного на том, что Г. Розман назвал «параллельными идентичностями» [Rozman, 2014]. С другой – интерес России и Китая к многополярному миру основан на стремлении вырваться из однополярной системы, что объясняется тем, что в мире, где доминируют США и их западные союзники, они не видят возможности реализации намеченных целей развития как в политике, так и в экономике. Россия и Китай как крупнейшие страны с независимыми взглядами на международную повестку дня и амбициозными стратегическими целями считают, что могут более эффективно работать в многополярной среде, понимая, что желаемой многополярной системе будет не хватать одного лидера, и она будет управляться несколькими энергосистемами, в основном взаимодействующими друг с другом по глобальным вопросам с использованием платформы ООН. Предполагается, что Совет Безопасности будет играть центральную роль в этом мировом порядке так же, как когда он был разработан в XX в. до официального создания ООН.

При этом, с точки зрения обеих держав, отношения между центрами силы должны быть конкурентными, но не конфронтационными, так страны смогут сохранить свои уникальные экономические модели, идеологии и политические структуры. Подобный подход был в какой-то степени отражен в китайской концепции «великодержавных отношений нового типа», которая была первоначально предложена для китайско-американских отношений, но, по мнению китайских теоретиков, может применяться к отношениям между Китаем и большинством стран, если не всеми странами G20 [Выступление председателя КНР..., 2015].

Однако до поры до времени эта близость взглядов не имела геополитического оформления, так как у Москвы и Пекина, с одной стороны, не было стимулов к более активным действиям, с другой – не было конкретной сферы приложения для сотрудничества в этой области. Этим фундаментом во многом стали дестабилизация и социально-экономическая деградация центра Евразии, где Россия и Китай имели общие цели и общие интересы, главным образом в сфере обеспечения собственной безопасности. Соз-

данная в 2001 г. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) как площадка общеполитического диалога с широкой повесткой, с началом кампаний в Афганистане и Ираке сделала борьбу с терроризмом и экстремизмом одним из центральных пунктов своей деятельности. Вместе с тем повестка развития экономического сотрудничества в рамках ШОС традиционно стагнировала, в немалой степени в связи с опасениями России и некоторых других стран-членов из-за стремительно растущего экономического потенциала Китая.

К началу 2010-х гг., однако, необходимость предложения и продвижения повесток в сфере регионального развития стала очевидна для обеих держав. Россия начала активно развивать собственный интеграционный проект на постсоветском пространстве, запустив в 2010 г. Таможенный союз, который в 2012 г. был трансформирован в Евразийский экономический союз, к настоящему моменту включающий в себя Россию, Казахстан, Белоруссию, Армению и Кыргызстан. В сочетании с ОДКБ и ШОС эти организации составляли институциональную основу для обеспечения безопасности и экономического развития для постсоветских республик Центральной Азии и ряда других стран постсоветского пространства. С точки зрения России, эти институты, безусловно, институционализировали и ее собственное лидерство как источника безопасности и экономического роста в ближнем зарубежье.

Китай запустил свою главную геэкономическую инициативу в 2013 г., к сегодняшнему дню эта инициатива трансформировалась в один из самых масштабных экономических проектов, покрывающих практически весь Евразийский континент. Эта инициатива изначально имела несколько измерений: помимо таких официально заявленных целей, как развитие транспортно-логистической инфраструктуры в рамках сухопутных и морских маршрутов из Китая в Европу и развития западных китайских провинций, через которые проходит сухопутный компонент Пути, эта мега-инициатива имеет и ряд политических задач. Прежде всего – это попытка сформировать дружественное и безопасное окружение на континенте, особенно важное в условиях нарастающего геополитического конфликта с США, – как надежный и невраждебный тыл. По-видимому, ИПП будет оставаться главным экономическим фактором, определяющим интеграционные процессы в широком континентальном пространстве Евразии (см.: [Miller, 2017; Rollande, 2017]).

Начавшаяся в 2014 г. российско-западная конфронтация сделала необходимым систематизацию российско-китайского сотрудничества и существующих инициатив в некую единую стратегию или концепцию. Российские внешнеполитические эксперты разработали концепцию «Большой Евразии» – термин, ставший частью официального внешнеполитического дискурса 17 июня 2016 г., когда президент Владимир Путин говорил о необходимости формирования Всеобъемлющего евразийского партнерства [Метцель, 2016].

РОССИЯ КАК ЕВРАЗИЙСКАЯ ДЕРЖАВА

Курс на превращение России в независимый евразийский центр силы и мирового влияния сегодня стал официальной политикой Кремля и основным направлением мысли большинства российских экспертов по внешнеполитической стратегии. В.В. Путин, который в 2000 г. обсуждал с Б. Клинтонем возможность вхождения России в НАТО, вступая в должность президента в мае 2012 г. заявил, что «историческая перспектива государства и нашей нации зависит сегодня», в частности, «от нашей способности стать лидерами и центром притяжения всей Евразии» [Владимир Путин вступил в должность Президента России, 2012]. В сентябре 2013 г. во время заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» он отметил, что «Евразийская интеграция – это шанс для всего постсоветского пространства стать самостоятельным центром глобального разви-

тия, а не периферии для Европы или для Азии» [Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2013].

Поворот в Евразию и антизападничество, практически маргинальные еще около десятилетия назад, сегодня стали одним из мейнстримных направлений внешнеполитической мысли России. В.Ю. Сурков, главный интеллектуал президентской администрации, еще десятилетие назад называл необходимость «не выпасть из Европы, держаться Запада» существенным элементом конструирования России [Сурков, 2006]. Сегодня он заявляет о прекращении «многократных и бесплодных попыток стать частью Западной цивилизации» и предсказывает ей сто, а может, и триста лет одиночества [Сурков, 2018]. Бывший западник С.А. Караганов пишет об исчерпании Россией «европейской кладовой» и основывает целое интеллектуальное направление, разрабатывающее концепцию «Большой Евразии», в которой Россия займет центральное место [Karaганov, 2017].

Подобная эволюция свидетельствует о том, что разочарование в сделанном в 1980-е гг. европейско-либеральном выборе России и ее новая, евразийская ориентация стали результатом длительного и болезненного процесса, реакцией на развитие международной ситуации, а не следствием изначальной «антиевропейскости» Путина или российской элиты в целом. Политикой Запада после распада СССР Москва фактически была поставлена в безвыходную ситуацию, она столкнулась с выбором: полностью подчиниться геополитическим целям США и их союзников, отказаться от собственных подходов к безопасности или переориентироваться с прозападной на какую-то другую политику. Это вступало в противоречие с российским восприятием собственной роли и статуса в мировых делах как великой державы, что определило постепенный отказ от прозападной ориентации, характерной для политики Москвы 1990-х гг. в пользу превращения России в «независимый центр силы». Как отметил В.В. Путин в послании Федеральному Собранию в феврале 2019 г., «Россия не может быть государством, если она не будет суверенной. Некоторые страны могут, Россия – нет» [Послание Президента Федеральному Собранию, 2019].

Сможет она им стать или нет – вопрос пока неясный. Ее военная мощь этому стремлению в целом соответствует, но экономическое развитие пока существенно отстает. Чтобы стать независимым центром силы в Евразии, руководство и правящая элита России должны существенно изменить свои традиционные подходы, по меньшей мере, по четырем направлениям.

Во-первых, необходимо понять значение этого региона и думать о нем стратегически, а не использовать незападное направление внешней и внешнеэкономической политики ситуативно, например, чтобы показать Западу другие возможности и тем самым оказать на него давление. Важность Евразии для России должна быть понята сама по себе. В этой области после 2014 г. произошел существенный сдвиг. Создается впечатление, что у большей части политической и экономической элиты появилось понимание, что ухудшение отношений с Европой всерьез и надолго и что необходимо перестраиваться и перенаправлять хотя бы часть связей на незападный мир. Об этом свидетельствуют как высказывания руководства России, в которых они все чаще позиционируют страну как евразийское (а не европейское) государство [Послание Президента Федеральному Собранию, 2012], так и изменение концептуальных основ внешней политики в последние годы [Концепция внешней политики Российской Федерации, 2013].

Во-вторых, необходимо сформулировать и активно проводить такую экономическую политику, которая, обеспечив ускоренный экономический рост, подкрепила бы претензии на роль одного из центров мировой политики. В этой области успехи гораздо более скромны, если точнее, то их нет вовсе. Правительство России указывает, что оно уверенно справилось с серьезным кризисом и вышло из полосы спада на рост примерно в 2% в год [Эффективность экономики России, 2018]. Однако не совсем понятно, в чем, собст-

венно, была причина этого кризиса, если не в его собственной политике, так как, по утверждению российского руководства, антироссийские санкции существенного влияния на экономическую ситуацию не оказали и не оказывают. По показателям роста российская экономика существенно отстает как от среднемирового уровня, так и от экономик других претендентов на роль мировых центров: Индии и Китая, а также от многих постсоветских стран. Это не способствует росту притягательности России для ее соседей по региону.

Проблема экономической эффективности состоит не только в том, как развивать торгово-экономическое сотрудничество с европейскими странами в нынешних сложных условиях, но также в том, как усилить нынешние относительно слабые экономические связи с большинством государствам Азии, которые бы способствовали ускоренному развитию России. Вопрос о том, как сделать сотрудничество с Китаем более сбалансированным, обсуждается уже два десятилетия. Сегодня много надежд связано с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС), который сотрудничает с Китаем как организация в рамках проекта сопряжения с китайской инициативой Экономического пояса шелкового пути. Однако отдельные страны – члены ЕАЭС также сотрудничают с Китаем на двусторонней основе, причем это сотрудничество все более расширяется, в то время как подписанное в 2018 г. соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР имеет, скорее, характер протокола о намерениях без четких обязательств [Agreement..., 2018].

В-третьих, чтобы стать центром влияния, независимым от китайского, необходимо проводить умелую и сбалансированную политику в отношении Пекина, чтобы одновременно не оттолкнуть важнейшего партнера, но и не попасть от него в зависимость. Сегодня дипломатическая линия в этом направлении выстроена верно, но она опять же слабо подкреплена экономическими достижениями. Россия по-прежнему экспортирует в Китай в основном сырье, что вызывает у некоторых российских экспертов опасения относительно превращения России в сырьевой придаток Китая, однако если ей больше будет экспортировать нечего, то ситуацию вряд ли можно будет исправить.

Наконец, в-четвертых, роль евразийского лидера предполагает признание этого статуса другими государствами региона. В этой области у России имеется определенный потенциал. В большинстве государств Центральной Азии и Закавказья существует ясное понимание того, что Россия является единственным гарантом безопасности в регионе. В случае серьезных террористических атак или попыток исламистов захватить власть вряд ли кто-то кроме Москвы, придет на помощь местным светским режимам. Именно поэтому, например, такие страны, как Армения и Азербайджан, несмотря на конфликт между собой и многочисленные претензии к Москве, конкурируют за военное и стратегическое сотрудничество с ней. Еще яснее необходимость поддержки России в борьбе с терроризмом понимают в Центральной Азии, где Казахстан и Кыргызстан являются участниками Организации Договора о коллективной безопасности. Все еще велико и культурное влияние России в регионе, сохраняющееся с советских и даже царских времен. В области экономики Китай все больше теснит Россию, он уже стал главным торговым партнером большинства стран региона. Однако это никак не угрожает безопасности России, хотя ее статус как отдельного экономического центра Евразии может попасть под сомнение.

Исторический опыт в этой области также невелик. Сама идея некоего особого пути развития России возникла в ней не так уж давно, в первой половине XIX в. как реакция на революционные события в Европе. До Петра I дискуссий о том, азиатской или европейской страной было государство со столицей в Москве, в ней самой почти не велось. Со времен принятия Православия Русь считала себя частью христианской цивилизации, независимо от того, находилась ли эта цивилизация в Европе или частично в Азии. Петр I стремился, по меткому выражению А.С. Пушкина, «в Европу прорубить окно»,

что, по его мнению, должно было сделать Россию ведущим игроком мировой политики, концентрировавшейся в то время в Европе. Европейский выбор Петра был вызван стремлением не подчинить Россию более передовой Европе, а, наоборот, сделать ее великой державой. Европейский статус обновленной России был официально закреплен в 1767 г. Екатериной II в «Наказе комиссии о сочинении проекта нового уложения», в котором прямо утверждалось: «Россия есть европейская держава» [Томсинов, 2007, с. 63–89]. И лишь при Николае I, опасавшемся революционного влияния Европы, была сформулирована идеологическая триада «православие – самодержавие – народность», подчеркивавшая самобытную социальную и политическую структуру России, в которой неограниченный самодержец без посредников общался с народом и заботился о нем на основе принципиально иной духовности.

Приход к власти большевиков в целом был победой западничества: согласно марксизму, весь мир идет по одному пути и революционная Россия не должна быть исключением из правил. Владимир Ленин и его преемники не рассматривали советское общество как отличное от западного в цивилизационном плане, они лишь считали, что вырвались вперед на лестнице общественного развития. Более того, всякие идеи отличного от Запада российского общества, в частности, возникшая среди эмигрантов в 1920-е гг. концепция «евразийства» или марксистская теория «азиатского способа производства», в СССР запрещались или, по крайней мере, не поощрялись. Осуждая капиталистический Запад, советское руководство так же, как и западные либералы, верило в единое движение истории к общему идеалу и не считало СССР какой-то особой цивилизацией с собственным путем развития, отличным от европейского или американского.

Распад СССР и победа в России «демократического движения» в принципе не означали смены западной ориентации, веры в то, что Россия – часть всемирного однолинейного исторического прогресса. Отличие было в другом: Россию теперь считали не передовой, а отсталой страной, находящейся на более низкой ступени всемирного прогресса, чем западный «цивилизованный мир», готовый стать подчиненным учеником. Эта позиция стала реакцией на крах советского эксперимента, но не принципиальным поворотом к иной идеологической парадигме.

Политика, основанная на идеологии подчинения, не могла продолжаться долго. Сам размер России, ее история и политическая культура требовали от нее большей самостоятельности. Объективные интересы безопасности, игнорируемые Западом, толкали ее к более активной политике. Изменялся Запад, захватившая его секулярная идеология прав меньшинств, вылившаяся в диктат непривычных социальных форм и ограничение свободы слова под предлогом «политической корректности», все более расходилась с получившими большую популярность в России традиционными религиозными подходами к решению социальных проблем, что также стало важным фактором переосмысления внешней политики России [Караганов, 2015]. Наконец, изменилась геополитическая ситуация в мире – центр мировой политики и экономики стал смещаться в АТР, поворот к Азии стали проводить многие страны: США, государства ЕС, Австралия. Следствием этих процессов стал рост популярности идеи полицентричности и цивилизационной разнонаправленности мирового развития в незападном мире.

Как часть этого тренда в России начала набирать популярность теория евразийства 1920-х гг. В современной вариации эти идеи приобрели популярность по мере ухудшения отношений с Западом. Немаловажную роль сыграло и то, что экономический идеал евразийства – не полностью рыночная экономика западного типа, но государственно регулируемая сверху, с допущением частной инициативы в сельском хозяйстве и мелкой промышленности. Идеал этот зародился в среде российской эмиграции в связи с необходимостью оправдания нэпа – эффективной политики большевиков, которая, как надеялись евразийцы, будет продолжена и приведет к отказу от коммунизма. Такая

модель соответствовала экономической политике Путина, создававшего крупные государственные корпорации, а также большинству моделей центральноазиатских государств. Тема евразийства довольно быстро распространилась в российских интеллектуальных кругах еще в 1990-е гг., однако гораздо больше времени потребовалось для понимания практической, а не романтико-мифологической важности Евразии для возрождающейся России и того, как она может вписаться в регион на фоне ухудшения отношений с Западом.

В евразийской идее России есть ряд преимуществ. Во-первых, стремление стать независимым полюсом в мировой политике соответствует исторически сложившемуся представлению России о собственной роли и статусе в международных делах. Российское руководство при Путине неоднократно подчеркивало, что Россия всегда была самостоятельным государством и никогда не подчинялась политическому диктату извне, даже когда считала себя частью Европы. Это действительно соответствует исторически сложившейся традиции российской внешней политики. Советский опыт также выработал в россиянах привычку жить в великой державе, поэтому ситуация подчиненности Западу 1990-х гг. казалась большинству населения и значительной части элит неестественной. Экономическая система нынешней России также в большой степени соответствует евразийскому идеалу. Все прорывные реформы исторически проводились в ней при помощи государства, которое играло самую активную роль в экономике. Так было и при Екатерине II, и при Александре II, и в период реформ С.Ю. Витте и П.А. Столыпина, и при нэпе. Как писал в 1883 г. один из главных проводников реформ Александра II, Н.А. Милютин, «нет большего несчастья для России, как выпустить инициативу из рук правительства» [Милютин, 1994, с. 95–100].

Поворот к собственному региону и большее внимание к Азии может способствовать решению стратегической задачи России – развитию ее сибирских и дальневосточных регионов, задачи, многократно провозглашаемой и все еще очень далекой от реализации. С геополитической точки зрения превращение России в центр консолидации и интеграции Евразии будет способствовать обеспечению ее безопасности, созданию дружественного внешнего окружения, которое будет содействовать ее мирному политическому и эффективному экономическому развитию.

Поворот к политике создания собственного, независимого евразийского полюса мировой политики, по-видимому, является долгосрочным трендом внешней политики России. В российском внешнеполитическом истеблишменте и экспертизе к настоящему моменту утвердилось мнение, что такой поворот не просто необходим – его следовало осуществлять еще во вторую половину 1990-х гг., по меньшей мере, после натовских бомбежек Югославии, когда стало ясно, что Запад воспринимает распад СССР не как возможность создания нового мирового порядка, приемлемого для всех, но как удачный момент для захвата позиции абсолютного мирового гегемона [Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2014]. Но инерция западничества была слишком сильна, и потребовалось еще несколько кризисов (грузинский 2008 г., украинский 2014 г.), чтобы российское руководство осознало его неизбежность. За это время Европа и США во многом утратили свою роль не только идейных, но и технологических лидеров. Их стали во многом теснить Китай и другие незападные государства. Поэтому вполне вероятно, что, живи Петр I сегодня, он бы прорубал окно не в Европу, а в Азию. Только действовал бы он более решительно и жестко, в присущем ему стиле.

Это, конечно, не означает необходимости замуравить окно в Европу. Скорее, Россия движется в сторону уравнивания двух направлений, превращения России из бедного родственника Европы в посредника между Европой и Азией, объединяющего преимущества обеих частей света и представляющего собой некий сплав цивилизаций и культур. Описанное выше переосмысление и трансформация российской внешнеполитиче-

ской стратегии вкупе с ошибками западной политики в Евразии заложили содержательный фундамент под российско-китайское сближение. Задача по превращению России в евразийский независимый центр силы привела к появлению таких инициатив, как Евразийский экономический союз и Большое евразийское партнерство, а также сделала необходимой интенсификацию политических и экономических контактов с государствами континента, прежде всего с КНР. Эти инициативы неизбежно должны были вступить в определенное взаимодействие – на основе соперничества или сотрудничества – с китайскими проектами в рамках проводимой Пекином политики разворота в Евразию. Последствия западной политики в Евразии сформировали структурные предпосылки для того, чтобы взаимодействие российских и китайских инициатив приняло характер сопряжения, вначале между ЕАЭС и Экономическим поясом Шелкового пути, а к настоящему моменту – между последним и более широкой инициативой по созданию Большой Евразии.

Поддержка идеи Большого (или всеобъемлющего) евразийского партнерства зафиксирована в нескольких официальных российско-китайских документах, в том числе в совместной декларации 2016 г. [Совместное заявление..., 2016]. Во время визита китайского премьера Ли Кэцзяна в Москву в ноябре 2016 г. председатель российского правительства Д.А. Медведев заявил, что Россия «продолжает работать над формированием всеобъемлющего евразийского партнерства с Китаем», которое «предполагает подключение государств Евразийского союза и ШОС» [Медведев: Россия..., 2016].

На встрече с президентом В.В. Путиным 25 мая 2017 г. министр иностранных дел КНР Ван И отметил, что Китай поддерживает «личную инициативу господина Президента о создании евразийского партнерства». Согласно министру, Министерство коммерции Китая и российское Министерство экономического развития «сейчас рассматривают возможность запуска процесса изучения возможностей создания евразийского торгового партнерства» [Встреча..., 2017].

4 июля 2017 г. в рамках визита Председателя КНР Си Цзиньпина в Россию китайский министр коммерции Чжун Шань и российский министр экономического развития М. Орешкин подписали «Совместное заявление о разработке технико-экономическом обоснования Соглашения о Евразийском экономическом партнерстве» [Максим Орешкин..., 2017]. В официальном китайском комментарии документ оценивался как «значительное достижение этого визита Председателя Си Цзиньпина в области экономики и торговли, демонстрирующее твердую решимость Китая и России углублять взаимовыгодное сотрудничество и содействовать либерализации торговли и региональной экономической интеграции, а также общее желание научной проработки комплексного механизма либерализации торговли и инвестиции высокого уровня, в перспективе открытого для других экономик, который придаст новый импульс всеобъемлющему партнерству и стратегическому взаимодействию двух стран» [China and Russia ..., 2017].

Во время ответного визита В.В. Путина в Китай в начале июня 2018 г. было объявлено о завершении разработки ТЭО и предстоящем начале переговоров непосредственно о создании партнерства «после завершения необходимых внутригосударственных процедур». Согласно официальному сообщению, Соглашение будет сфокусировано на таких вопросах, как либерализация торговли услугами и инвестиций, защита капиталовложений, передвижение физических лиц, электронная коммерция, интеллектуальная собственность, конкуренция, транспарентность, сохранение энергии и энергоэффективность, технико-экономическое сотрудничество, малые и средние предприятия, государственные закупки, а также отдельные аспекты торговли товарами в пределах компетенции Сторон [Россия и Китай..., 2018]. Для координации данной работы в МИД России была создана специальная должность посла по особым поручениям, ко-

торуую занял бывший специальный представитель Президента России по делам ШОС К.М. Барский.

Большинство китайских экспертов также поддерживают проект или, по крайней мере, саму идею более тесного сотрудничества с Россией в Евразии. Так, первый вице-президент Китайской академии международных проблем МИД КНР Жуань Цзунцзе отмечал: «Выдвижение инициативы “Один пояс, один путь” оказало значительное влияние на Россию, в России также обдумывают, как осуществлять сопряжение. В выдвинутых недавно Путиным предложениях по созданию партнерства в Большой Евразии есть некоторые совпадения с “Один пояс, один путь”. По сути, они создают возможность сотрудничества Китая и России в евразийском материковом регионе, расширяют пространство китайско-российского сотрудничества» [Xi Jinping and Russian President Putin..., 2016].

Ли Цзыго, и.о. директора Института ШОС той же академии, объясняя мотивы России, фактически солидаризируется с наиболее распространенным российским подходом. Согласно Ли, начиная с 1960-х гг. лидеры СССР и России пытались создать «большую европейскую семью», и еще в 2010 г. для реализации этого идеала Д.А. Медведев, будучи президентом, продвигал проект нового договора о европейской безопасности, премьер В.В. Путин предложил новую европейскую экономическую систему «от Лиссабона до Владивостока». Однако «Запад считал себя победителем в холодной войне, постоянно сжимая российское пространство» и пытаясь сделать ее полностью проигравшей стороной в геополитическом противостоянии. «В конце концов, Россия осознала, что стать частью Запада невозможно» [Li, 2017].

Согласно Ли Цзыго, «Большое евразийское партнерство – это инициатива общерегионального экономического сотрудничества, выдвинутая Россией в новой ситуации и имеющая некоторый геополитический оттенок. Ее центральный элемент – продвижение строительства ЕАЭС, однако в качестве важного партнера рассматривается Китай, а важнейшего направления – сопряжение ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути. Большое евразийское партнерство может в какой-то степени накладываться на “Один пояс, один путь”, но его идеи открытого, инклюзивного и согласованного развития совпадают с духом китайской инициативы. Поэтому две инициативы могут двигаться навстречу друг другу, обеспечивая развитие и стабильность в Евразийском регионе в ходе перестройки международного политического и экономического порядка, стать рычагом формирования будущего мира» [Li, 2017].

Влиятельный китайский эксперт по России и Центральной Азии из Фуданьского университета Чжао Хуашэн в написанной в 2017 г. статье высказывается о российском проекте несколько более осторожно, поскольку, с его точки зрения, не совсем ясно, станет ли Большое евразийское партнерство долгосрочной стратегией или будет лишь переходным курсом России. Он также высказывает сомнение относительно того, достаточно ли у России сил, чтобы поддерживать этот проект, поэтому пока неясно, насколько далеко он сможет продвинуться. Но, несмотря на это, пишет Чжао, курс на развитие сотрудничества в области экономики, дипломатии и безопасности в регионе Большой Евразии остается рациональным и необходимым. Он заключает: «Сотрудничество в Большой Евразии совпадает с национальными интересами Китая, в особенности в связи с тем, что оно способствует реализации инициативы “Один пояс, один путь” [Zhao, 2017].

Таким образом, сегодня можно с полной уверенностью сказать, что Пекин поддерживает российские идеи более тесного сотрудничества в Большой Евразии, на официальном уровне подключился к реализации проекта Большого евразийского партнерства и рассматривает различные варианты его реализации. Проект этот в полной мере можно называть не российским, а российско-китайским.

ДРУГИЕ ЕВРАЗИЙСКИЕ ПАРТНЕРЫ

Что касается других стран региона, то их отношение к проекту также довольно позитивное, но не везде еще выработана официальная позиция, а кое-где просто недостаточно информации о нем. Казахстан, в лице прежде всего его первого президента Н.А. Назарбаева, – один из инициаторов и активных проводников идеи. Естественно, в его отношении есть некоторые особенности. Казахстан больше обращает внимание на экономическую эффективность и выступает против политизации любых евразийских программ.

В интервью «Российской газете» 2 апреля 2019 г. новый президент Казахстана К.К. Токаев отметил: «Мы считаем, что идея Большой Евразии – в широком понимании этого термина – открывает горизонты для активизации экономических связей Азии и Европы, может стать и фундаментом формирования новой системы международных отношений на евразийском пространстве. Процессы, происходящие на нашем мегаконтиненте, на мой взгляд, формируют новые геополитические реалии...» [Токаев рассказал..., 2019]. Упоминание Большой Евразии новым главой государства в позитивном контексте говорит о преемственности линии Казахстана и готовности стать одним из важных партнеров этого процесса.

Говоря о Центральной Азии, Токаев отметил: «Тесное взаимодействие стран региона, связанных узами стратегического партнерства с Россией, является серьезным фактором обеспечения мира, стабильности, безопасности в Евразии. Другими словами, достижение данной цели невозможно без России». Он заключил: «...несущим элементом будущей архитектуры сотрудничества должно стать раскрытие интеграционного потенциала наших стран и объединений в рамках формирования Большой Евразии, которую мы хотели бы видеть как единое евразийское пространство безопасности и процветания» [Долгополов, Пронин, 2019].

Как и Казахстан, Киргизия как член ЕАЭС естественным образом подключена к процессам создания Большой Евразии через механизм сопряжения ЕАЭС и ЭПШП. Таджикистан также будет участвовать как член ШОС и активный партнер ЭПШП. То же можно сказать и о других членах ШОС, ЕАЭС и партнерах ЭПШП. В последнее время Узбекистан стал более активно открываться для внешнего мира и широких международных интеграционных инициатив. В недавней статье бывшие высокопоставленные узбекские дипломаты А. Хайдаров и С. Миркасымов упоминают идею Большой Евразии, выдвинутую российскими экспертами, а также идею Большого евразийского партнерства, которую они по какой-то причине называют китайской, в качестве основных концепций развития Евразии. Авторы напоминают, что Узбекистан всегда занимал центральное место в развитии этого региона [Khaydarov, Mirkasymov, 2019, p. 95].

Что касается такой крупной страны, как Индия, то там официальная позиция по проекту Большого евразийского партнерства пока не сформулирована. Тем не менее индийские эксперты в целом позитивно относятся к идее активного сотрудничества с Россией в Евразии не в последнюю очередь ввиду необходимости сбалансировать растущее влияние Китая [Sharma, 2018; Purushothaman, Unnikrishnan, 2019, p. 81].

Одним из ключевых факторов, обеспечивающих поддержку либо, по меньшей мере, позитивное отношение к концепции Большой Евразии со стороны ряда государств, гипотетически входящих в очерченное данной инициативой геополитическое пространство, является «зонтичный» характер этой инициативы, который оставляет ее открытой для обсуждения и, следовательно, не превращает ее в инструмент установления региональной гегемонии. Напротив, и российские, и китайские эксперты и популяризаторы данной инициативы отмечают, что консолидация вокруг такой зонтичной инициативы может являться для малых и средних держав континента средством мягкого балансирования уси-

лившегося Китая, «растворения» его возросшей мощи в региональном международном сообществе – Сообществе Большой Евразии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ОТ ЕВРАЗИЙСКОГО ПОЛЮСА К ЕВРАЗИЙСКОМУ СООБЩЕСТВУ?

Можно ли рассматривать концепцию Большой Евразии как дорожную карту устойчивого развития для неевропейской Евразии (а быть может, в какой-то перспективе – и для всего континента)? И могут ли инициативы России и Китая действительно составить основу для условного евразийского сообщества, которое будет устойчиво функционировать и обеспечивать экономическое процветание и мир, подобно тому как евроатлантическое сообщество поддерживает мир в Европе? Эти вопросы, по-видимому, не имеют однозначного ответа – слишком рано говорить о долгосрочных последствиях, принимая во внимание то, что проекту Большой Евразии и составляющим ее инициативам насчитывается всего несколько лет.

Вместе с тем и критика российско-китайского партнерства и воздвигаемых в рамках него инициатив едва ли релевантна. Как показал проведенный анализ, сама по себе аргументация, что геополитическая природа российско-китайского сближения и развития Большой Евразии делает этот процесс неустойчивым и хрупким, имеет ряд контраргументов. Во-первых, геополитическое давление, оказываемое США на Россию и Китай, не может исчезнуть одномоментно, так как уже имеет собственную логику развития и известную инерцию, преодоление которой потребует больших усилий от всех сторон и значительного времени. Учитывая, что и администрация Трампа, и Конгресс США стремятся закрепить за Россией и Китаем роль главных стратегических оппонентов, от США это потребует даже большей политической воли. В случае с Пекином и Москвой главной проблемой будет преодоление сформировавшегося в их внешнеполитических нарративах недоверия и откровенного антиамериканизма. Их источником является критическое отношение к американской политике в Евразии на протяжении последних двух десятилетий.

Важный вывод, который можно сделать в данном контексте, – трансформация сложившейся геополитической конфигурации «новой биполярности» – это шар, который находится, по-видимому, на стороне США. Смена стратегического подхода к Евразии, отход от концепции «шахматной доски» к большей вовлеченности США в построение пространства со-развития и безопасности в масштабах всего Евразийского континента – это идеалистическое, но гипотетически возможное развитие событий, которое вполне могло бы привести и к искомому самими США результату – смене внешнеполитического поведения Китая и России, их большей ответственности за поддержание стабильного международного порядка, возможно, и к обращению вспять авторитарных тенденций в обеих этих странах. Такой подход на риторическом уровне разделялся администрацией Обамы, однако в силу институциональных и идеологических ограничений не был реализован (напротив, произошло ухудшение политической обстановки в центре Евразии и на ее окраинах, а геополитические позиции США ослабли). Политическая линия администрации Трампа в настоящий момент напрямую противоречит данному подходу.

Впрочем, принципиальный отказ США от попыток доминировать в мире и согласие на модель многополярности крайне маловероятны. К тому же, даже если представить возможность одномоментного изменения политики и США, и составляющих основу «евразийского полюса» России и Китая, это, по-видимому, едва ли будет означать свертывание идеи евразийского сообщества и тех инициатив, которые его образуют. Данные проекты определяются объективными потребностями по обеспечению безопасности, политической стабильности и экономического роста в центральной части евразийского

континента. По-видимому, будучи запущенными неблагоприятными геополитическими обстоятельствами, эти мегапроекты будут реализовываться дальше. Вместе с тем преодоление конфронтации между условными «полюсами» новой холодной войны может стать предпосылкой для более активного включения и европейских стран, и США в эти процессы. Геополитическая и геоэкономическая консолидация Евразии на антиамериканской основе, формирование «евразийского» и «западного» полюсов, рост конфронтации между ними, которые наблюдаются сегодня, может смениться конвергенцией «полюсов» и совместным развитием.

Пример европейской интеграции и построения евроатлантического сообщества, которым вдохновляются многие теоретики интеграции, позиционируется многими как уникальный случай и как главный контраргумент против того, что подобные начинания могут закончиться успехом где-либо еще. Страны Европы, пережившие две Мировые войны и обескровленные ими, пугающиеся перспективы начала нового конфликта, стремились объединиться вокруг повестки развития, а также с целью коллективной защиты от внешних угроз, впервые в истории перевесивших внутренние противоречия. Идея объединения Европы вынашивалась европейскими интеллектуалами столетиями, а ее воплощение базировалось на глубокой культурной, исторической и политической общности европейских народов и объективно существовавшей экономической взаимозависимости между ними.

Однако, с нашей точки зрения, пример евроатлантического сообщества как раз позволяет смотреть на перспективы создания подобного сообщества в Евразии с осторожным оптимизмом. Структурные условия формирования евроатлантического сообщества и планируемого сообщества Большой Евразии до известной степени схожи. Евроатлантическое сообщество также сложилось в условиях геополитического давления – со стороны Советского Союза и возглавлявшегося им складывавшегося тогда социалистического лагеря. Это определяло необходимость геополитической и геоэкономической консолидации Запада и нашло выражение в формировании масштабной системы безопасности (НАТО) и появлении ряда интеграционных инициатив, приведших в 1992 г. к подписанию Маастрихтского договора. Немаловажно, что другой важной проблемой, которую решали европейские и евроатлантические институты, была необходимость растворить колоссальную мощь США в этом международном сообществе, не допустить какого-либо объединения на почве страха перед американской гегемонией для ее балансирования. Такие коалиции не раз приводили к войнам в Европе (в том числе – к двум Мировым, на почве страха перед Германией).

Формирование евразийского сообщества – мегазадача и мегатренд, который может решить схожие структурные проблемы в Евразии. Евразийский континент, полный противоречий и тлеющих конфликтов, источником многих из которых является дестабилизированный в 2000-е гг. центр континента, нуждается в схожей общей повестке и общей идее развития, подобно той, которая легла в основу европейской интеграции. Политическим двигателем этой идеи стала геополитическая конфронтация США с двумя ключевыми евразийскими державами. Однако, подобно тому как европейская интеграция получила собственную логику и продолжает развиваться после окончания холодной войны, евразийское сообщество, если оно сложится и наполнится содержательной повесткой, имеет шанс стать новой, самоподдерживающейся реальностью, стать фактором безопасности на широком пространстве Евразийского континента и изменить к лучшему жизнь миллиардов проживающих в этом пространстве людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Владимир Путин вступил в должность Президента России. *Президент России: официальный вебсайт*. 7 мая 2012 года [Vladimir Putin was inaugurated as President of Russia. *The President of Rus-*

sia: official website. May 7, 2012. <http://kremlin.ru/events/president/news/15224> (in Russian)] (accessed: 08.08.2019).

Встреча с Министром иностранных дел Китая Ван И. *Президент России: официальный вебсайт*. 25 мая 2017 года [Meeting with Chinese Foreign Minister Wang Yi. *The President of Russia: official website*. May 25, 2017. <http://kremlin.ru/events/president/news/54576> (in Russian)] (accessed: 10.11.2019).

Выступление председателя КНР Си Цзиньпина в ходе дебатов на 70-й Генассамблее ООН. *Посольство Китайской Народной Республики в Российской Федерации: официальный вебсайт*. 2015/09/28 [Speech by President Xi Jinping during Debate at the 70th UN General Assembly. *Embassy of the People's Republic of China in Russia: official website*. 2015/09/28. <http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/QQ13/t1320669.htm> (in Russian)] (accessed: 09.11.2019).

Долгополов Н., Пронин В. Мы всегда будем вместе. *Российская газета: новостной сайт* [Dolgopolov N., Pronin V. We'll always be together. *Rossiyskaya Gazeta: news website*. <https://rg.ru/2019/04/02/nakanune-vizita-v-moskvu-novyj-prezident-kazahstana-otvetil-na-voprosy-rg.html> 3376295 (in Russian)] (accessed: 11.11.2019).

Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай». *Президент России: официальный вебсайт*. 19 сентября 2013 года [Meeting of the Valdai Discussion Club. *The President of Russia: official website*. September 19, 2013. <http://kremlin.ru/events/president/news/19243> (in Russian)] (accessed: 11.10.2019).

Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай». *Президент России: официальный вебсайт*. 24 октября 2014 года [Meeting of the Valdai Discussion Club. *The President of Russia: official website*. October 24, 2014. <http://kremlin.ru/events/president/news/46860> (in Russian)] (accessed: 13.11.2019).

Караганов С.А. Возвращение к традиционализму. *Россия в глобальной политике: официальный вебсайт*. 12 января 2015 [Karaganov S.A. Back to traditionalism. *Russia in Global Affairs: official website*. January 12, 2015. <https://globalaffairs.ru/pubcol/Vozvrashchenie-k-traditionalizmu-17248> (in Russian)] (accessed: 10.09.2019).

Концепция внешней политики Российской Федерации (2013). *ГАРАНТ.РУ: справочно-правовая система* [The Foreign Policy Concept Of The Russian Federation (2013). *GARANT.RU: legal information resource*. <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/> (in Russian)] (accessed: 13.11.2019).

Максим Орешкин подписал Совместное заявление Министерства экономического развития РФ и Министерства коммерции КНР о совместном технико-экономическом обосновании Соглашения о Евразийском экономическом партнерстве. *Министерство экономического развития Российской Федерации: официальный вебсайт*. 04.07.2017 [Maxim Orshkin signed a joint statement of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation and the Ministry of Commerce of the PRC on a joint feasibility study of the Agreement on the Eurasian Economic Partnership. *Ministry of Economic Development of the Russian Federation: official website*. 04.07.2017. <http://economy.gov.ru/mince/about/structure/deptorg/2017040706> (in Russian)] (accessed: 05.11.2019).

Медведев: Россия формирует евразийское пространство с Китаем. *РИА НОВОСТИ: новостной сайт*. 16.11.2016 [Medvedev: Russia forms the Eurasian space with China. *RIANOVOSTI: news website*. 16.11.2016. <https://ria.ru/east/20161116/1481497327.html> (in Russian)] (accessed 12.11.2019)

Метцель М. Путин призвал создать большое Евразийское партнерство. *TASS: новостной сайт*. 17 июня 2016 [Metcel M. Putin called for a big Eurasian partnership. *TASS: news website*. June 17, 2016. <https://tass.ru/pmef-2016/article/3376295> (in Russian)] (accessed: 10.12.2018).

Милютин Н.А. Письмо Милютину Д.А., 18/30 декабря 1861 г., Рим / Публ. [вступ. ст. и примеч.] Л.Г. Захаровой. *Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах*. М., Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. [Т.] 1 [Milyutin N.A. Letter to Milyutin D.A. December 18/30, 1861, Rome / Publication [introductory article and note] by L.G. Zakharova. *Russian state archive: History of the Fatherland in evidence and documents of the XVIII–XX centuries: Almanac*. Moscow: Studiya TRITE: Rossiyskiy Arkhiv, 1994. Vol. 1 (in Russian)].

Послание Президента Федеральному Собранию *Президент России: официальный вебсайт*. 12 декабря 2012 года [Presidential Address to the Federal Assembly *The President of Russia: official website*. December 12, 2012. <http://kremlin.ru/events/president/news/17118> (in Russian)] (accessed: 01.10.2019).

Послание Президента Федеральному Собранию. *Президент России: официальный вебсайт*. 20 февраля 2019 года [Presidential Address to the Federal Assembly. *The President of Russia: official website*. February 20, 2019. <http://kremlin.ru/events/president/news/59863> (in Russian)] (accessed: 22.05.2019).

Россия и Китай завершили совместное технико-экономическое обоснование Соглашения о Евразийском экономическом партнерстве. *Министерство экономического развития Российской Федерации: официальный вебсайт*. 08.06.2018 [Russia and China complete the joint feasibility study of the Eurasian Economic Partnership Agreement. *Ministry of Economic Development of the Russian Federation: official website*. 08.06.2018. http://economy.gov.ru/minec/about/structure/deptorg/20180_8062 (in Russian)] (accessed: 10 October 2019).

Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международном порядке в XXI веке *МИД РФ: официальный вебсайт*. 27.02.2006 [Joint Declaration of the Russian Federation and the People's Republic of China on the international order in the XXI century *MFA Russia: official website*. 27.02.2006. http://www.mid.ru/ru/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVbqKA/content/id/412066 (in Russian)] (accessed: 10.06.2019).

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики. *Президент России: официальный вебсайт*. 25 июня 2016 года [Joint statement of the Russian Federation and the People's Republic of China. *The President of Russia: official website*. June 25, 2016. <http://www.kremlin.ru/supplement/5100> (in Russian)] (accessed: 01.11.2019).

Стоукс Дж., Салливан А. Китайско-российские отношения. *Россия в глобальной политике: официальный вебсайт*. 19 августа 2015 [Stokes J., Sullivan A. Sino-Russian relations. *Russia in Global Affairs: official website*. August 19, 2015. <https://globalaffairs.ru/global-processes/Kitaisko-rossiiskie-otnosheniya-17631> (in Russian)] (accessed: 10.09.2019).

Сурков В.Ю. Национализация будущего. *Эксперт: новостной сайт*. 20.11.2006 [Surkov V.Yu. Nationalization of the future. *Expert: news website*. 20.11.2006. https://expert.ru/expert/2006/43/nacionalizaciya_buduschego/ (in Russian)] (accessed: 07.11.2019).

Сурков В.Ю. Одиночество полукровки (14+). *Россия в глобальной политике: официальный вебсайт*. 11 апреля 2018 [Surkov V. Yu. The Loneliness of the Half-Breed (14+). *Russia in Global Affairs: official website*. April 11, 2018. <https://globalaffairs.ru/number/-19490> (in Russian)] (accessed: 10.09.2019).

Токаев рассказал о преимуществах идеи Большой Евразии *МИР24: официальный вебсайт*. 03/04/2019 [Tokayev told about the benefits of the idea of Greater Eurasia. *MIR24: official website*. 03/04/2019. <https://mir24.tv/news/16355341/tokaev-rasskazal-o-preimushchestvah-idei-bolshoi-evrazii> (in Russian)] (accessed: 03.11.2019).

Томсинов В.А. Императрица Екатерина II (1729–1796). *Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества*. В 2-х томах. М.: Зерцало, 2007. Т. 1 [Tomsinov V.A. Empress Catherine II (1729–1796). *Russian jurists of the XVIII–XX centuries: Essays on life and work*. In 2 volumes. Moscow: Zertsalo, 2007. Vol. 1 (in Russian)].

Эффективность экономики России. *Федеральная служба государственной статистики: официальный вебсайт*. 06.08.2018 [The effectiveness of the Russian economy. *Russian Federal State Statistics Service: official website*. 06.08.2018. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/efficiency/# (in Russian)] (accessed: 10.03.2019).

Agreement on economic and trade cooperation between the Eurasian Economic Union and its member states, of the one part, and the People's Republic of China, of the other part. *Eurasian Economic Union: official website*. Astana, May 17, 2018. http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Соглашение%20с%20Китаем/Текст%20английский%20%28EAEU%20alternativ%29%20final.pdf (accessed: 10.09.2019).

Allison G. China and Russia: A Strategic Alliance in the Making. *The National Interest: official website*. December 14, 2018. <https://nationalinterest.org/feature/china-and-russia-strategic-alliance-making-38727> (accessed: 10.03.2019).

China and Russia Sign the Joint Declaration of Feasible Study on Eurasian Economic Partnership Agreement. *Ministry of Commerce of the People's Republic of China: official website*. http://english.mofcom.gov.cn/article/zt_cv/lanmua/201707/20170702605908.shtml (accessed: 23.04.2019).

Karaganov S. From pivot to the East to Greater Eurasia. *The Embassy of the Russian Federation to the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland: official website*. 24.04.2017. <https://www.rusemb.org.uk/opinion/50> (accessed: 03.05.2019).

Khaydarov A., Mirkasymov S. Uzbek Perspectives on Eurasia. *India Quarterly: A Journal of International Affairs*, 2019, vol. 75, No. 1. Pp. 94–99.

Li Z. Greater Eurasian Partnership: Reshaping the new Eurasian order? *"International Studies": official website*. http://www.ciis.org.cn/gyzz/2017-01/16/content_9288805.htm (accessed: 03.07.2019).

Miller T. *China's Asian Century*. London: Zedbooks, 2017.

Purushothaman U., Unnikrishnan N. A Tale of Many Roads: India's Approach to Connectivity Projects in Eurasia. *India Quarterly: A Journal of International Affairs*. 2019. Vol. 75, No. 1. Pp. 69–86.

Rollande N. China's Eurasian Century? Political and Strategic Implications of the Belt and Road Initiative. Washington DC: National Bureau of Asian Research, 2017.

Rozman G. *The Sino-Russian Challenge to the World Order: National Identities, Bilateral Relations, and East versus West in the 2010s*. Stanford: Stanford University Press, 2014.

Sharma R. Russia's Greater Eurasian Partnership is an opportunity for India. *The Economic Times: news website*. October 6, 2018. <https://economictimes.indiatimes.com/blogs/et-commentary/russias-greater-eurasian-partnership-is-an-opportunity-for-india/> (accessed: 06.11.2018).

Trenin D. *From Greater Europe to Greater Asia*. Moscow: Carnegie Moscow Center, 2015.

Xi Jinping and Russian President Putin formulated partnerships in Greater Eurasia during negotiations. *IFENG.COM: news website*. http://news.ifeng.com/a/20160627/49247845_0.shtml (accessed: 28.05.2019).

Zhao H. China and the Greater Eurasian Partnership. *"International Studies": official website*. http://www.ciis.org.cn/gyzz/2017-11/24/content_40079881.htm (accessed: 03.07.2019).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЛУКИН Александр Владимирович – д.и.н., профессор, директор Центра исследований Восточной Азии и ШОС МГИМО МИД России, руководитель департамента международных отношений и заведующий Международной лабораторией исследований мирового порядка и нового регионализма Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, профессор Школы государственной политики Чжэцзянского университета (КНР).

НОВИКОВ Дмитрий Павлович – к.полит.н. заместитель заведующего Международной лабораторией исследований мирового порядка и нового регионализма и старший преподаватель департамента международных отношений Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, Москва, Россия.

Alexander V. LUKIN, Doctor of Science (History), Professor, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO), Director of the Center for East Asian and Shanghai Cooperation Organization Studies; National Research University Higher School of Economics, Head of the International Laboratory on World Order and the New Regionalism Studies, and Head of the School of International Affairs; Zhejiang University, School of Public Affairs, Professor, China

Dmitry P. NOVIKOV, PhD (Political Science), National Research University Higher School of Economics, International Laboratory on World Order and the New Regionalism Studies, Deputy Head, School of International Affairs, Senior Lecturer, Moscow, Russia.